

Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 78–84.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2023; 1 (62), 78–84.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 008

«НАЗАД В ПРОШЛОЕ»: МЕДИААСКЕТИЗМ КАК РЕВЕРСИВНЫЙ ВЕКТОР В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Екатерина Сергеевна Федорова

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия,

prostosurik@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена феномену медиааскетизма, который автор трактует как реверсивный ретро-режим функционирования цифровой культуры. Несмотря на то, что устойчивым трендом цифровой культуры является принцип постоянного наращивания показателей (ускорение, объемы потребления, увеличение контента), постепенно закрепляются и установки «культуры замедления». Автор приводит примеры ограничения влияния цифровых технологий, принятые в крупных IT-корпорациях, туристическом предложении, специализированных программах и курсах отказа от цифровых технологий («digital-detox»). Отмечается, что в теоретических исследованиях большее внимание уделяется стратегиям вовлеченности пользователей в цифровую среду. Подчеркивается необходимость проработки подходов, направленных на анализ практик медийной аскезы и «цифрового сопротивления».

На основе теоретического моделирования и анализа реальных кейсов, автором разрабатывается типология медийных аскетов, позволяющая выделять разные аспекты и варианты представленности этого явления в реальных практиках цифрового поведения пользователей интернет-культуры. В статье предлагается рассматривать медиааскетизм через режимы ограничения (оптимальное и рациональное использование), мотивы отказа, периодичность использования цифровых технологий, избираемый для ограничения контента.

Уделяется внимание осмыслению компенсаторных функций как терапевтического механизма адаптации аудитории к развитию цифровых процессов. Подчеркивается значимость цифровой осознанности пользователя.

Ключевые слова: медиааскетизм, медийные аскеты, ретро-режим цифровой культуры, реверсивность.

Для цитирования: Федорова Е. С. «Назад в прошлое»: медиааскетизм как реверсивный вектор в развитии цифровой культуры // Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 78–84.

Original article

“BACK TO THE PAST”: MEDIA SKETCHISM AS A REVERSE VECTOR IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL CULTURE

Ekaterina S. Fedorova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, prostosurik@gmail.com

Abstract. The article deals with the phenomenon of media asceticism, which the author interprets as a reversible retro-mode of digital culture functioning.

Despite the fact that the steady trend of digital culture is the principle of constant increase in indicators (acceleration, volume of consumption, increase in content), the attitudes of the “culture of slowdown” are gradually consolidated. The author gives examples of limiting the impact of digital technology, adopted in large IT-corporations, tourist supply, specialized programs and courses of rejection of digital technology (“digital-detox”).

It is noted that theoretical studies pay more attention to user engagement strategies in the digital environment. The need to develop approaches aimed at analyzing the practices of media ascesis and “digital resistance” is emphasized.

Based on theoretical modeling and analysis of real cases, the author develops a typology of media asceticism, which allows to distinguish different aspects and variants of the representation of this phenomenon in the real practices of digital behavior of Internet culture users.

The article proposes to consider media asceticism through modes of restriction (optimal and rational use), the motives for refusal, the frequency of digital technology use, the content chosen for restriction.

Attention is paid to the comprehension of compensatory functions as a therapeutic mechanism for adapting the audience to the development of digital processes. The importance of digital awareness of the user is emphasized.

Key words: media asceticism, media ascetics, retro-mode of digital culture, reversibility.

For citation: Fedorova E. S. (2023). "Back to the past": media sketchism as a reverse vector in the development of digital culture. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 1 (62), 78–84.

Введение

Устойчивым трендом описания процессов, происходящих в цифровой культуре, является принцип актуального постоянства в наращивании показателей: интенсификация, ускорение, увеличение объемов потребления и т.п. В целом, как в научном дискурсе, так и в обыденном сознании аудиторий – цифровые практики прочно ассоциированы с современностью и перспективностью («культура будущего»).

Однако, в контексте развития цифровой культуры постепенно закрепляется новая установка, парадоксально связанная с ретро-режимом возврата к «до-цифровой» реальности – медиааскетизм. Разумеется, этот режим не носит повсеместно принятого характера, но интересна его популярность и востребованность именно в передовых стратах цифрового пространства (Асочаков, Богомякова, Иванов 2021: 80).

Если обратиться к истокам зарождения данного явления, то первые попытки отдыха от цифровых технологий в мировой практике были предприняты еще в 2007 году в крупных IT корпорациях (Соловьев, Белоус 2014): например, компания Google ввела для своих сотрудников обязательный курс «Поиск в себе». В компании практиковались обеды без разговоров и гаджетов, строились комнаты для медитаций. Например, основатель корпорации Microsoft Билл Гейтс ввел для своих детей ограничение использования смартфонов до достижения ими 14-летнего возраста; у детей основателя компании Apple Стива Джобса не было дома гаджетов, а один из основателей Twitter Эван Уильямс разрешал своим детям пользоваться смартфоном только один час в день, аргументируя это тем, что в их доме множество книг, которые всегда можно прочесть, чтобы развлечься. Павел Дуров, основатель Telegram, известен своими принципами защиты личной жизни и конфиденциальности. Тим Кук, генеральный директор Apple, не использует социальные сети и регулярно проводит время с семьей и друзьями, чтобы сохранить баланс между своей цифровой и личной жизнью.

Эти примеры показывают, что даже самые успешные цифровые гуру понимают важность ограничения использования цифровых технологий. Многие представители компаний, напрямую идентифицирующихся с передовыми цифровыми технологиями (Google, Apple, Yahoo, eBay, Uber и Hewlett-Packard) предпочитают учить своих детей в одной из престижных школ Кремниевой долины – Вальфдорской школе, особенностью обучения в которой является то, что в ней запрещено использовать гаджеты в младших классах, а в средних и старших их использование сведено к минимуму.

Институциональная сфера современной культуры, пока лишь в качестве альтернативного предложения (но, как известно, коммерческий рынок всегда функционирует в четкой ориентации на бытующий спрос) продвигает программы «бесцифрового уикенда», «digital-freehotel», «курсы детоксикации», «отказ от цифровых технологий на час», «digital-detoxa» и «цифровую диету».

Как подчеркивают исследователи: «Многообразие терминов, описывающих дистанцирование людей от интернета и цифровых девайсов, подчёркивает важность социальной проблематики влияния интернета, вмешательства технологий в личную жизнь человека. Таким образом, представляя медиааскетизм через континуум, протяжённый от бесконтрольного использования до дистанцирования от использования цифровых технологий, в самом центре которого – осознанность в использовании, что и представляет собой сущность данного социального феномена» (Емелин 2018: 114).

В контексте культурологического осмысления проблематики, нам видится необходимым акцентировать внимание на социокультурных основаниях феномена медиааскетизма как особого тренда на культуру замедления (Гофман 2017; Оноре 2019) цифровой вовлеченности.

На наш взгляд, основой развития большинства сфер и секторов культуры является *логика реверсивности*: то есть, доведение доминирующего тренда до предела, что в свою очередь неизбежно провоцирует обратное движение. Так, и реакцией на наличествующее сверх-информационное изобилие – становится актуализация медиааскетизма: «Риски и угрозы цифрового вторжения, превращение смартфонов и других гаджетов в своеобразного «токсичного партнера», не позволяющего отключаться, делать лишние движения в сторону, повышающаяся зависимость человека от форм и объемов поглощения информации, от социальных сетей и Интернета порождают потребность и необходимость в цифровой детоксикации» (Железняк 2022: 98).

В русле процессов цифровизации, в большинстве разрабатываемых типологических подходов внимание уделяется стратегиям вовлеченности пользователя в цифровую среду, чем анализу попыток дистанцироваться от медийной действительности (и даже если такие феномены попадают в поле внимания

исследователей, то трактуются, скорее, как дисфункция). При этом, как подчеркивают М. В. Рыжкова, В. В. Еремин и В. П. Бауэр: «Российские исследователи практически не затрагивают в своих работах вопросы сопротивления цифровизации, тогда как зарубежные исследователи рассматривают достаточно широкий круг проблем, связанных с описанием стадий принятия/сопротивления, каналов распространения информации об инновациях, сегментации самих адоптеров, классификации барьеров и описания бизнес-практик по их преодолению» (Рыжкова, Еремин, Бауэр 2021: 25).

Большинство существующих исследований, фиксируют опыт цифровой социализации представителей различных социально-демографических групп и поколений (традиционное разделение на «цифровых аборигенов» и «цифровых иммигрантов», предложенное М. Пренски), мотивацию вхождения и глубину погружения (уровень вовлеченности) цифровых пользователей в коммуникативные практики. Другими словами, ключевым предметом анализа оказывается условная *интернет-активность*, в то время как обратный модус (пассивности) понимается как вторичная категория и пребывает в области «исследовательской периферии». Закономерным становится и то, что попытки репрезентации типов «не вовлеченных пользователей», как минимум, не претендуют на многообразие (в лучшем случае, фиксируется факт их наличия).

В данной статье мы обратимся (руководствуясь методами теоретического моделирования и анализом реальных кейсов) к построению типологии медийных аскетов, позволяющей выделять разные аспекты и варианты представленности этого явления в реальных практиках цифрового поведения.

Типологическое разнообразие медийных аскетов: теоретический конструкт и кейс-стади

Если речь идет о поведенческих стратегиях субъектов, важно еще раз обозначить, что в базовый термин «аскет» (медиааскет) мы вкладываем не традиционно воспринимаемый духовно-религиозный смысл, а воплощаемую в реальных действиях осознанность и самоконтроль коммуникативных проявлений, ориентируясь на одну из трактовок – от греческого «*Askeō*» – «упражнение» или «тренироваться» (Артемьева 2020: 89). Действительно, речь может идти о своеобразном движении к «духовному самоочищению» через сознательно вводимые ограничительные принципы и новую для субъекта ситуацию выхода за «типичную повседневность». Как подчеркивает А. О. Толкачева, медиааскетизм складывается из двух взаимно связанных элементов: понимания (навыки владения цифровыми технологиями, понимания цифровых основ, цифровая грамотность) и действия (конкретные практики, которые предпринимаются с целью контроля за собой в цифровой среде) (Толкачева 2018).

Здесь нам близка позиция А. И. Ильина, предлагающего рассматривать аскезу как: «Особое состояние человека, когда он добровольно выходит за границы привычной жизни и сознательно лишает себя как физического комфорта, так и психологического» (Ильин 2022: 57–58).

В разработке типологии мы ориентировались и на идеи исследователей, анализирующих стратегии, так называемого «потребительского сопротивления» – характерные для восприятия цифровых инноваций. К таким стратегиям относят:

- *Откладывание (postponement)*: означает, что в целом инновация приемлема для потребителя, но время ее применения еще не пришло, обстоятельства еще неподходящие, либо технология не проверена, как, например, до недавнего времени происходило с «умными» часами, недостатки функционала которых и малый объем аккумулятора тормозили повсеместное пользование этим гаджетом. Вариантом откладывания является переход на альтернативный вариант решения проблемы, квази-использование цифровых сервисов;
- *Сопротивление (resistance)* предполагает, что решение о неиспользовании инновации принято, но может быть пересмотрено, если будут предоставлены более убедительные аргументы или предложены новые стимулы;
- *Отказ (rejection)* происходит в форме активного неприятия и нежелания в дальнейшем пересматривать решение. Иногда это связывают с исходным консерватизмом потребителя;
- *Оппозиция (opposition)* – активное противодействие потребителей инновации вплоть до саботажа (Рыжкова, Еремин, Бауэр 2021: 26).

Медиааскетизм как и любой социально-культурный феномен характеризуется различными факторами, влияющими на функционирование социально-культурного явления. Разнообразие этих «факторов-посредников» (Д. Клаппер), оказывает влияние на и на множественность типологических критериев. Если речь идет о способах ограничения, то одним из оснований деления может быть степень самостоятельно вводимых ограничений (глубина отказа): тотальный отказ и оптимальный режим.

Под тотальным, как следует из самого термина, подразумевается полный отказ от гаджетов, любых источников информации, интернета и т. д. Такая степень дистанцирования рассматривается в большей мере теоретически, на практике же встречается не так часто (что, однако, не исключает наличия подобных стратегий).

Конечно, придерживаться такого образа жизни человеку, интегрированному в ритм современной культуры, существующему, например, в каком-нибудь крупном мегаполисе – крайне сложно. Поэтому люди, выбирающие подобный путь, как правило, стараются и дистанцироваться от «провоцирующей

среды обитания» (переезжают в более спокойное и отдаленное место). Например, подобную стратегию поведения мы рассматривали в первой главе при обращении к дауншифтингу.

В случае тотального отказа от цифрового режима существования («цифровой жизни»), логично и обращение к концепту «цифровая смерть», разрабатываемому в русле цифровой танатологии» «Терминология, связанная с вопросами смерти в цифровом пространстве, уже сложилась, но не окончательно оформилась, так как многим терминам все еще не придан правовой статус. Это такие термины, как «digital afterlife», «цифровая загробная жизнь», «цифровое посмертие», «цифровые останки», и даже «цифровые зомби». Наиболее логичным, на наш взгляд, является термин «digital afterlife» – как альтернатива «on-life», термину, предложенному философом Л. Флориди для обозначения жизни, протекающей в цифровом пространстве» (Булычев 2021: 59). В данном случае идет не о физическом процессе ухода человека, но о символической смерти его «цифрового двойника».

Менее кардинально действуют люди, придерживающиеся оптимального режима цифрового отказа – ограничения пользования «цифровыми благами». В подобной стратегии, на наш взгляд и состоит ключевой смысл понятия медиааскетизма. Оптимальное и рациональное использование цифрового пространства, не во вред себе. Если говорить о разновидности (детализации типов) медиааскетов по данной характеристике, то мы предлагаем следующие термины – *медиазатворники* (полностью отказавшиеся от цифровых благ) и *медиаоптималы* (частично ограничивающие цифровые блага).

Еще одним значимым критерием типологизации может являться внутренняя мотивация медиааскета. Так, ключевыми мотивами отказа, на наш взгляд, могут быть:

- «передозировка»;
- объективная не востребованность;
- отказ из-за «цифрового разрыва»;
- перекрываемая потребность в живом общении (эмоциональная вовлеченность);
- экспериментально-познавательная мотивация (экспериментальная проверка собственных возможностей, вызов самому себе).

Одним из мотивов осознанного цифрового ограничения или отказа может стать «информационная передозировка», когда человек (самостоятельно или под воздействием окружающих) начинает фиксировать симптомы чрезмерной включенности в цифровые практики. В данном случае, медиааскет воспринимает себя в качестве *детоксикатора*, а практика медиааскетизма становится сознательным методом борьбы с собственной зависимостью.

Объективная не востребованность цифровых технологий – чаще осознается людьми, меняющими привычный стиль жизни и, соответствующий ему – стиль медиапотребления. Подобная не востребованность может быть вызвана сменой рода занятий, наступлением «рубежных» возрастных дат (например, выход на пенсию) и т.п. Такой тип медиааскетов может составлять группу *медиаиндефферентов*.

Содержательно близким мотивом может быть восприятие «цифрового разрыва», связанное, зачастую, с территориальным фактором. В отдаленных территориях встречаются проблемы со связью, плохое интернет-покрытие. Хотя с каждым годом «цифровой разрыв» становится все меньшим, внедряются на государственном уровне программы цифровизации отдаленных регионов, тем не менее, именно для некогда «продвинутых пользователей» – перебои с подключением становятся раздражающим фактором, провоцирующим сознательный отказ: по типу «лучше уж никак, вместо как-нибудь».

Потребность в живом общении также может побудить к ограничению использования цифровых технологий. Такие люди, назовем их «тактильные коммуникаторы», предпочитают общение с людьми живую. Соответственно они меньше времени проводят в соцсетях или вообще не пользуются ими, а переписке предпочитают живой диалог.

Экспериментально-познавательный мотив присущ людям, которых мы образно обозначим как *«авантюрные исследователи»*: они участвуют в различных новомодных тенденциях ради эксперимента, отказываются от гаджетов, интернета и т.д. на какой-то период времени чтобы понаблюдать что произойдет с ними за это время, поменяется ли их жизнь – в лучшую или худшую сторону и т.д.

Нередко такие люди видят позитивные изменения и становятся приверженцами частичного или полного цифрового отказа, а некоторые наоборот возвращаются и погружаются в цифровое пространство еще глубже. Экспериментальный мотив может быть отнесен к типу игровой мотивации.

Исследователями А. И. Никифоровой и О. А. Малакановой был осуществлен эмпирический анализ 22 интервью (с последующей интерпретацией транскриптов), направленный на изучение ключевых мотивов молодежного медиааскетизма, к которым были отнесены, преимущественно, игровые позиции: «вызов», «эксперимент», «развлечение»: «Анализ транскриптов интервью позволяет сделать вывод о том, что в некотором роде ограничение доступа в интернет может быть рассмотрено как игра, в которой человек ставит перед собой определенные ограничения и далее старается им следовать» (Никифорова, Малаканова 2022: 115).

Периодичность медиааскетичных практик может проявляться в критерии частоты/периодичности использования вне-цифрового опыта:

- постоянный;
- сезонный (например, в отпуске);
- временный (например, по выходным или по каким-то часам).

Постоянный отказ подразумевает ограничение каких-либо цифровых устройств или источников информации на регулярной основе. Тип людей – *константный медиааскет*. Сезонный и временный отказ имеют схожие характеристики, отличие проявляется лишь в продолжительности временных ограничений. Сезонный отказ можно, прежде всего, связать с порой отпусков. Когда люди едут на отдых и намеренно дозируют пользование гаджетами, сокращая влияние информационных воздействий.

По мнению людей, выбирающих этот тип ограничения (сезонники) – учишься больше ценить окружающие тебя вещи, руководствуясь модным трендом «жизни в моменте». Таким образом достигается полноценная эмоциональная перезагрузка.

Временный отказ подразумевает короткий промежуток времени без цифровых устройств. Например, люди живут без гаджетов несколько часов в день или убирают их за пару часов до сна, в выходные или один раз в неделю.

К. Ньюпорт называет подобный опыт «цифровой уборкой» – временный отказ от онлайн-активности, способствующий достижению «цифрового минимализма» – состояния осознанности в «шумном мире»: «Этот жизненный эксперимент похож на избавление от хлама при уборке дома – ведь он предоставляет возможность избавиться от отвлекающих сервисов и импульсивных привычек, заменив их на продуманные действия, которые не подавляют, а поддерживают ваши главные ценности» (Ньюпорт 2019: 66).

По арсеналу средств (используемые гаджеты), практики медиааскетизма могут носить *системный* или *выборочный* отказ.

К общему относятся люди, которые полностью ограничивают использование любых цифровых устройств и гаджетов.

Под выборочным отказом, в данном случае, мы подразумеваем не полную информационную аскезу, а лишь ограничение каких-либо конкретных гаджетов. Например, некоторые люди не используют смартфоны, а использует простые телефоны исключительно для связи. При этом они не выпадают полностью из информационного поля, а лишь ограничивают потребляемый контент. Так, например, такие люди меньше сидят в социальных сетях, не читают бесконечно новости и т.п. При этом они используют ноутбуки, смотрят фильмы, передачи. Конечно, если говорить о причинах такого отказа, то они могут быть разные – физические особенности, нежелание принимать что-то новое (блокировка контента, не совпадающего с выработанными ценностными установками) или же осознанный отказ, принимающий форму жизненной философии.

По выбору контента, мы можем выделить следующие форматы ограничения: *сбалансированное потребление* и *неструктурированный отказ*.

К сбалансированному потреблению, относится, прежде всего, потребление по выбираемому контенту – или ограничение отдельных (осознаваемых как ненужные, вредные) сегментов. То есть использование определенных приложений в телефоне, хостингов, новостных порталов и т.д. Например, одной из таких привычек можно назвать – планирование. То есть прежде, чем зайти в интернет необходимо спланировать зачем мы открываем браузер и что именно нужно там найти.

Заключение

Итак, как можно увидеть, сложность и многообразие конфигураций современной цифровой культуры, отражается и на разнообразии типов сопротивления ее нарастающей экспансии. Примечательно то, что субъекты, не просто причастные к использованию цифровых технологий, но выступающие их прямыми идеологами-создателями, не всегда хотят идентифицироваться с «адептами слияния» реальной и виртуальной жизни, все больше придерживаясь ограничений использования технологий в собственной повседневной практике.

Таким образом, в цифровой культуре проявляется действие компенсаторно-адаптивного или «культурно-терапевтического» механизма (Соковиков, Цукерман 2021: 54) – реакции на «возмущающий фактор» – событие или процесс, новшество, ведущее к изменениям черт сложившегося консенсуса.

Нам близка позиция В. А. Емелина, стремящегося найти баланс между радикальностью неолуддизма и трансгуманизма: «Будучи радикальными идеологиями, неолуддизм и трансгуманизм представляют собой крайности консервации себя в первом случае или потери себя во втором, что для современного технологизированного мира вряд ли станет конструктивными и приемлемыми моделями как феноменологического, так и социокультурного существования в нем индивида. Идентичность в динамике культурно-исторического и технологического ускорения может пониматься как некая «точка сборки»,

момент устойчивости и гармонии с собой в условиях текучей современности. Точка сборки – это фиксация и идентификация себя в изменчивом хронотопе» (Емелин 2018: 111).

Именно осознанная фиксация, на наш взгляд, может выступать реальной практикой цифровой осознанности как контроля погружения в иммерсивную цифровую среду (Меркурьева 2020) пользователя, формирующего собственную идентичность в калейдоскопе практик и моделей интернет-культуры.

Список источников

1. Артемьева А. А. Аскеза как антропологическая парадигма глобального экономического сознания // Вестник Ивановского государственного университета. 2020. Вып. 2. С. 89–97.
2. Асочаков Ю. В., Богомягкова Е. С., Иванов Д. В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75–86.
3. Булычев И. И., Назарова Ю. В. Современные проблемы и перспективы цифровой танатологии // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. № 4 (40). С. 57–69.
4. Гофман А. Б. Слишком быстро?! Культура замедления в современном мире // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 141–150.
5. Емелин В. А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 1. С. 103–115.
6. Железняк О. Дигитализация, оцифровывание мира и диджитал детокс // Проект Байкал. 2022. № 71. С. 92–99.
7. Ильин А. И. Путь юродивого как идеал аскезы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 57–60.
8. Меркурьева А. В. Иммерсивные методики в современных социокультурных практиках // Вестник Санкт-Петербургского института культуры. 2020. Вып. 2 (43). С. 58–62.
9. Никифорова А. И., Малаканова О. А. Молодежный медиааскетизм в цифровой среде как социальный феномен // Проблемы и перспективы организации работы с молодежью: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара, 2022. С. 112–119.
10. Ньюпорт К. Цифровой минимализм. Фокус и осознанность в шумном мире. Москва: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019. 240 с.
11. Оноре К. Без суеты: Как перестать спешить и начать жить. Москва: Альпина Паблшер, 2019. 336 с.
12. Рыжкова М. В., Еремин В. В., Бауэр В. П. Потребительское сопротивление на цифровой платформе: развертывание и преодоление // Информационное общество. 2021. № 6. С. 23–41.
13. Соковиков С. С., Цукерман В. С. Компенсаторный механизм культуры: заметки на полях работы А. Я. Флиера // Вестник культуры и искусств. 2021. № 1 (65). С. 53–63.
14. Соловьев Д. Н., Белоус П. Э. Медийная аскетика как феномен цифровой культуры // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 2 (8). С. 77–92.
15. Толкачева О. А. Медиааскетизм: теория и практика // Экология медиасреды: межвузовский сборник научных трудов. 2018. Вып. 3. С. 265–273.

References

1. Artem'eva A. A. (2020). Askeza kak antropologicheskaya paradihma global'nogo ekonomicheskogo soznaniya [Ascesis as an anthropological paradigm of global economic consciousness]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universitetata*, 2, 89–97. (In Russ.).
2. Asochakov Y., Bogomyagkova E., Ivanov D. (2021). Novoe izmerenie social'nogo razvitiya: aktivnost' i kreativnost' v internet-kommunikacijah [A new dimension of social development: activity and creativity in Internet communication]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1, 75–86. (In Russ.).
3. Bulychev I. I., Nazarova Yu. V. (2021). Sovremennyye problemy i perspektivy tsifrovoy tanatologii [Modern problems and prospects of digital thanatology]. *Gumanitarnyye vedomosti Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni L. N. Tolstogo*, 4 (40), 57–69. (In Russ.).
4. Gofman A. (2017). Slisshkom bystro?! Kul'tura zamedleniya v sovremennom mire [Too quick. The culture of slowdown in the modern world]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 10, 141–150. (In Russ.).
5. Emelin V. A. (2018). Ot neoluddizma k transgumanizmu: singulyarnost' i vertikal'nyy progress ili utrata identichnosti? [From Neo-Luddism to Transhumanism: Singularity and Vertical Progress or Loss of Identity?]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, Vol. 23, 1, 103–115. (In Russ.).
6. Zheleznyak O. (2022). Digitalizatsiya, otsifrovyyvanie mira i didzhital detoks [Digitalization, digitization of the world and digital detox]. *Proekt Baykal*, 71, 92–99. (In Russ.).
7. Il'in A. I. (2022). Put' yurodivogo kak ideal askezy [The path of the holy fool as the ideal of asceticism]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 5, 57–60. (In Russ.).
8. Merkur'eva A. V. (2020) Immersivnyye metodiki v sovremennykh sociokul'turnykh praktikah. [Immersive Methods in Modern Sociocultural Practices]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo instituta kul'tury*, 2, 58–62. (in Russ.).

9. Nikiforova A. I., Malakanova O. A. (2022). Molodezhnyy mediaasketizm v tsifrovoy srede kak sotsial'nyy fenomen [Youth media asceticism in the digital environment as a social phenomenon]. *Problemy i perspektivy organizatsii raboty s molodezh'yu: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Samara: Samara University Publ., 112–119. (In Russ.).
10. N'yuport K. (2019). *Tsifrovoy minimalizm. Fokus i osoznannost' v shumnom mire* [Digital minimalism. Focus and awareness in a noisy world]. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber, 240 p. (In Russ.).
11. Onore K. (2019). *Bez suyety: kak perestat' speshit' i nachat' zhit'* [No fuss: How to stop hurrying and start living]. Moscow: Al'pina Publisher. 336 p. (In Russ.).
12. Ryzhkova M. V., Eremin V. V., Bauer V. P. (2021). Potrebitel'skoe soprotivlenie na tsifrovoy platforme: razvertyvanie i preodolenie [Consumer Resistance on the Digital Platform: Deploying and Overcoming]. *Informatsionnoe obshchestvo*, 6, 23–41. (In Russ.).
13. Sokovikov S. S., Tsukerman V. S. (2021). Kompensatornyy mekhanizm kul'tury: zametki na polyakh raboty A. Ya. Fliera [The compensatory mechanism of culture: notes on the margins of the work of A. Ya. Flier]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 1 (65), 53–63. (In Russ.).
14. Solov'ev D. N. & Belous P. E. (2014). Mediynaya asketika kak fenomen tsifrovoy kul'tury [Media asceticism as a phenomenon of digital culture]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*, 2 (8), 77–92. (In Russ.).
15. Tolkacheva O. A. (2018). Mediaasketizm: teoriya i praktika [Media asceticism: theory and practice]. *Ekologiya mediasredy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, 3, 265–273. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. С. Федорова – заместитель директора по дистанционному обучению Центра непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры.

Information about the author

Ekaterina S. Fedorova – Deputy Director for Distance Learning of the Center for Continuing Education and Advanced Training of Creative and Managerial Personnel in the Field of Culture.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023;
принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 18.06.2023; approved after reviewing 26.06.2023;
accepted for publication 28.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.